

ФИЛОСОФСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖАНРОВ: РУССКИЙ ПУТЬ

УДК 10.02

Лащенко Светлана Константиновна,
доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания

О ЧЕМ «ЗАБЫЛ» ВСПОМНИТЬ ГЛИНКА (К ПРОБЛЕМЕ АВТОЦЕНЗУРЫ В РЕАЛИЯХ РУССКОЙ ЖИЗНИ)*

В статье рассматривается контекст событий, освещавшихся М. И. Глинкой в автобиографических «Записках». На примерах обстоятельств личной биографии друзей и родственников Глинки — Ф. Д. Гедеонова, Н. К. Иванова — обосновывается суждение о том, что композитор создавал свои воспоминания не спонтанно, отношение к написанному тексту не было у него «бездумным» и «политически аморфным». Композитор прибегал к серьезной автоцензуре, особенности которой во многом определялись реалиями русской политической жизни.

Ключевые слова: М. И. Глинка, «Записки М. И. Глинки», Ф. Д. Гедеонов, Н. К. Иванов, автоцензура

М. И. Глинка, основоположник классической русской музыкальной традиции, остался в истории отечественной культуры не только как автор двух знаковых опер, ряда программных симфонических произведений, камерных инструментальных и вокальных сочинений, но и как первый русский композитор — создатель автобиографического опуса.

«Записки М. И. Глинки» писались им в последние годы жизни, с июня 1854 до конца марта 1855 года и были впервые опубликованы уже после смерти композитора его сестрой, Л. И. Шестаковой, в 1870 году, на страницах журнала «Русская старина», а через год выпущены самостоятельным изданием.

«Записки М. И. Глинки» — это «замечательный <...> документ. Нужно лишь уметь его читать» [5, с. 10], — писал А. Н. Римский-Корсаков, сын выдающегося русского композитора Н. А. Римского-Корсакова, талантливейший историк музыки, музыкальный критик, журналист, издатель, автор и редактор одного из переизданий «Записок», вышедших в 1930 году.

Однако именно его тонкая и умная вступительная статья к глинкинскому тексту вызвала резкую критику современников. Прежде всего, в связи

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00277 «М.И. Глинка: pro et contra. Личность и художественное наследие Глинки в контексте рецепции и интерпретации».

с утверждением, что Глинка «всегда стоял в стороне от политики и острых вопросов общественности», оставшись «в политическом отношении» «на- всегда <...> детски мыслящим существом» [5, с. 11–12].

«Редактор последнего издания “Записок М. И. Глинки” с странным упорством <...> старается уверить читателей в абсолютной аполитичности композитора», — отмечал классик советского музыковедения Б. В. Асафьев, автор фундаментальной монографии о Глинке [1, с. 185].

«Подобные утверждения представляют собою перепев самых реакционных, научно не обоснованных взглядов, столь характерных для прежних исследований творчества Глинки и опровергаемых всей творческой практикой русской классической музыки» [2, с. 18], — поддерживал Асафьева В. Богданов-Березовский в своей вступительной статье к академическому двухтомнику литературного наследия композитора.

Пафос советских 1950-х слышен в каждом слове этих и ряда других, близких им суждений, целью которых было доказать политическую зрелость Глинки с точки зрения идеологов победившей революции.

Разность проявившихся подходов в том, как интерпретировать «Записки», не была «снята» и в последующие десятилетия, оставшись, хотя и в значительно смягченном виде, так и не разрешенной проблемой отечественного «глинковедения».

Думается, настало время вновь обратиться к анализу «Записок», попытавшись понять, что же оставил нам Глинка — «<...> чудесно живой автопортрет»? «удивительную по точности повесть о своеобразном развитии, пышном расцвете и раннем (по годам) увядании гениально одаренного человека»? или документальный источник, на основании которого хотел, чтобы потомки смогли воссоздать историю его жизни? А то, что «Записки» писались в том числе и для решения подобной задачи, — несомненно. В этом убеждает полная печальной иронии фраза, брошенная как-то Глинкой в частном письме Н. В. Кукольнику из Берлина (23 июня/ 5 июля 1856 года), отправленном незадолго до смерти: «Когда околею, эти комфортаивные записки могут послужить дельным материалом для моей биографии <...>» [4, с. 592].

* * *

Обращусь лишь к двум наблюдениям, способным, на мой взгляд, подсказать направление, в котором следует двигаться, восходя к существу замысла глинкинских «Записок».

Как известно, на страницах «Записок» неоднократно появляется имя Федора Дмитриевича Гедеонова. Его младший брат, Николай Дмитриевич, стал мужем сестры Глинки, и оба Гедеонова вошли в семейство Глинок как свойственники.

С Федором Дмитриевичем Гедеоновым Глинка сошелся особенно близко через два года после венчания сестры. В 1833 году они жили вместе в одной квартире в Вене; тогда же совершили переезд в Берлин; а через несколько лет, в 1840-х, отправились в совместную поездку во Францию.

«Федор Дмитриевич <...> поселился со мною и доводил до слез от смеху каждое утро, болтая со мною скороговоркою по-немецки. Соглашаясь с моим непреодолимым желанием свидеться с сестрою и его братом, он в первой половине октября с свойственною ему ловкостью и в короткое время устроил все для путешествия. Во время пути заботился обо мне, как бы о родном брате, и когда я охал, то он пел песни и рассказывал побасенки, чтобы развлечь меня. Я в век буду ему за это признателен», — вспоминал Глинка в «Записках» о первом опыте совместной жизни с Гедеоновым в Вене [3, с. 147].

Таким образом, уже с первого упоминания Гедеонов предстает в «Записках» человеком добрым, веселым, заботливым, доброжелательным, не обремененным серьезными проблемами, способным легко разрешать множество бытовых вопросов (чего сам композитор делать не умел и что очень ценил в других).

Однако Глинка «забыл» упомянуть о важнейших деталях биографии Федора Дмитриевича Гедеонова, заставляющих иначе взглянуть на фигуру героя. Читать глинкинские строки следует, на наш взгляд, неизменно памятуя об этом.

А детали эти были таковы. Офицер, бретёр, забияка, бесшабашный герой различного рода приключений, Федор Дмитриевич Гедеонов в пору первой юности невольно стал причиной гибели на дуэли старшего брата. Пережив трагедию, он, взявшись за ум, посвятил себя службе в одном из уланских полков. В 1827 году, в пору, когда память о событиях декабря 1825 года лишь начала покрываться пеленой забвения, Федору Дмитриевичу стало известно о существовании в его полку тайного кружка, о чем он счел необходимым доложить начальству. Виновные были наказаны, а о поступке Гедеонова доложили императору, который поддержал майора. Иной была реакция сослуживцев. Ощущая отношение однополчан, Гедеонов попытался перейти в другой полк. Но попытка не удалась. В 1830 году, т. е. за три года до совместного вояжа с Глинкой, ему пришлось уйти в отставку. Однако устроиться на гражданской службе Гедеонов тоже не смог, сознавая (как сам он писал), что все «избегают его общества» и «никто не желает иметь» его «под своим начальством». Прожив, по словам самого Гедеонова, в России «у всех в подозрении», он, покинув родину, отправился в Европу, намереваясь обосноваться в Париже (невзирая на двойной запрет императора находиться во Франции русским подданным без Высочайшего на то соизволения). Здесь он увлекся идеей военной службы в Египте — государстве на то время

крайне беспокойном, состоящим в вяло текущем военном конфликте с Турцией и нестабильных отношениях с восставшей Грецией [6].

Возможно, в увлечении такой идеей сказался некий «байронизм» Федора Дмитриевича, явно неуместный для русского офицера. Особенно в то время. Обеспокоенное внимание вице-канцлера графа К. В. Нессельроде, российского посла в Париже графа К. О. Поццо ди Борго и самого императора к намерениям Гедеонова побудило власти предпринять по дипломатическим каналам усилия для того, чтобы Ф. Д. Гедеонов официально отказался от своих намерений и вернулся в Россию для постоянного в ней проживания. Гедеонов согласился. Но, вопреки воле императора, возвращаться на родину не спешил. Правда, стал приезжать наездами в Россию, в один из которых, видимо, и познакомился с семьей Глинок [6].

Документальных свидетельств, способных дать ответы на вопросы: знал ли Глинка, сойдясь с Федором Дмитриевичем, о его «египетской идее»; был ли в курсе пристального внимания к своему «братцу» власть предержащих, — нет. Но даже чисто теоретически допустить, что Глинка оставался в полном неведении о проблемах, буквально опутавших в это время Гедеонова, невозможно.

Данный Глинкой подход к освещению фигуры Гедеонова в «Записках» можно объяснить известной деликатностью музыканта, старавшегося обходить острые углы биографии своих друзей. Но объяснение это, хотя, возможно, и справедливое, явно не исчерпывает существа явления.

Дело в том, что освещая в «Записках» события 1833 года, Глинка умалчивает о том, что общение с Федором Дмитриевичем Гедеоновым, чье поведение вызывало озабоченность представителей высшей государственной власти, фатальным образом «отзеркаливало» еще одну достаточно неблагоприятную историю, в которую чуть ранее уже был втянут будущий композитор. Речь идет об истории с известным «невозвращенцем» Николаем Кузьмичом Ивановым, судьба которого тоже решалась в это же время на высшем уровне.

Но прежде о самом явлении «невозвращения» в России первой трети XIX века.

Феномен «русского невозвращения» достаточно давний. Несмотря на строгие меры, в ряду которых в петровскую эпоху была даже смертная казнь, подданные Российской империи, попадавшие, в связи с различными обстоятельствами за пределы государства, нередко решали на родину не возвращаться. Движение «невозвращения» шло по нарастающей, и уже к началу XIX столетия власти то и дело сталкивались с необходимостью разыскивать беглеца и возвращать его в страну. Порой насильно и под конвоем. В этом смысле история с Николаем Ивановым не была чем-то исключительным. Исключительным здесь было лишь то, что в нее невольно оказался замешан М. И. Глинка.

С Николаем Ивановым, певчим Придворной певческой капеллы, обладавшим уникальным голосом, Глинка, как известно, выехал в Европу в 1833 году. Но если поездку Иванова инициировало руководство Капеллы и Министерство Императорского двора, видя в том необходимость развития вокального таланта молодого певчего, то Глинка выезжал «на свой кошт» в качестве сопровождающего, имея в виду, как и Иванов, не только дальнейшее обучение, но и лечение давних хронических заболеваний. Отец Глинки, отставной капитан Иван Николаевич Глинка, выступил скрепя сердце, поручителем молодых путешественников, взяв на себя ответственность за них, в том числе и финансовую.

Как известно, по мере того как перед Ивановым раскрывались возможности начала серьезной европейской музыкальной карьеры, а дебюты на оперной сцене становились весьма успешными, молодой певец все более настойчиво ходатайствовал о продлении сроков своего пансионерства. Какое-то время ему удавалось убеждать российские власти в необходимости задержаться в Европе. Но долго так продолжаться не могло. Власть затребовала его возвращения, грозя силой, и Иванову пришлось принимать решение.

На какое-то время он «исчез» из поля зрения русских дипломатов и чиновников, правдами и неправдами добился гражданства Швейцарии, а вскоре сумел войти в десятку самых известных и самых востребованных теноров Европы, обретя всеевропейскую славу.

Но Иванов, выбрав судьбу «невозвращенца», поставил в крайне затруднительное положение своего спутника, М. И. Глинку.

Понимая, что он оказался вовлечен в конфликт государственного масштаба, музыкант, не дожидаясь развязки скандала, спешно уезжает из Неаполя, где обосновался Иванов. Всем своим дальнейшим существованием в Европе Глинка подчеркивал в письмах друзьям, сколь он далек от происшедшего с Ивановым. Впрочем, настроение у него, как писал он в частном письме С. А. Соболевскому из Венеции (3/15 марта [1833]), было ужасное: «грустно, <...> погода дурна, нервы в изнеможении» [4, с. 71]. И, думается, виной тому была не только обостренная реакция композитора на причуды итальянского климата, но и гложущее чувство вины.

Глинка, конечно, сознавал, что, покидая Иванова, он подводит отца: взятую И. Н. Глинкой ответственность за путешественников никто не снимал. Тем не менее будущий композитор пошел на этот шаг, надеясь, что именно такой выход из ситуации будет для него и его семьи наименьшим из зол. Спустя годы в «Записках» Глинка упомянул, что вскоре после расставания с Ивановым был вынужден вернуться на родину в связи с болезнью и смертью отца. «Забыл» лишь упомянуть причины болезни и обстоятельства смерти. С большой долей осторожности предположу все же, что

немалую роль в том сыграли полученные И. Н. Глинкой известия о печальном финале европейского вояжа его подопечных.

Но посмотрим, как описаны эти события в «Записках».

Обращаясь к истории с Ивановым, о которой Глинка не мог не упомянуть хотя бы в силу ее широкой известности, композитор, комментируя ситуацию, сразу же задает тональность своего отношения к ней:

«Я <...> советовал Иванову, не прося отсрочки, ехать в Россию, и потом, побыв там год, взять отставку и снова потом возвратиться в Италию. Он пренебрег моим советом. <...> Мы с ним не ссорились, но не могли также похвалиться особенной дружбой. Когда мы расстались в Неаполе, то прекратились все между нами сношения» [3, с. 134].

Скорее всего, с момента отъезда Глинки из Италии, отношения с Ивановым у него действительно прекратились, и композитор не преминул об этом сказать четко и ясно. Но Глинка, с его жадной жаждой знания музыкальной жизни Европы, вниманием ко всему происходящему на оперных сценах европейских стран, да и просто в ходе поездок по Франции, Германии, Испании не мог не знать о сенсационных успехах своего бывшего приятеля.

Однако о них-то в «Записках» «забывает» упомянуть. Об истинной природе такого рода «забывчивости» косвенно дает понять обличительная филиппика, введенная Глинкой в литературный текст. Завершая эпизод, посвященный Иванову, Глинка изменяет принятому в «Записках» литературному стилю, выписывая портрет певца в самых мрачных красках, характеризуя его как «человека трудного, черствого сердцем, неповоротливого и тупого умом. Достоинство его состояло в прелести голоса и некоторой инстинктивной способности «подражать в пении» [3, с. 134]. Видимо, и годы спустя не отболела у Глинки та рана, что была нанесена ему когда-то бывшим приятелем. Видимо, и через десятилетия он считал необходимым подчеркнуть свою полную непричастность к происшедшему.

Глинку можно понять. О скандале, связанном с Ивановым, еще долго помнили «в верхах». Помнил о нем и император. Не зря, встретившись в Глинкой через несколько лет после инцидента, выразительно намекнул на нежелательность «итальянских маяков» для русских музыкантов, и Глинка, считая необходимым еще раз подчеркнуть свое отношение к поступку Иванова, пересказывает этот разговор в «Записках»: «<...> Государь император <...> подошел ко мне и сказал: “Глинка, я имею к тебе просьбу и надеюсь, что ты — не откажешь мне. Мои певчие известны по всей Европе и, следовательно, стоят, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами”. Эти ласковые слова привели меня в столь приятное замешательство, что я отвечал государю только несколькими почтительными поклонами» [3, с. 174].

Примеров, близких приведенным, можно привести немало. Несть числа тем «биениям» смыслов, значений и частных мнений о фактах и людях, которые отделяли у Глинки живую реальность от реальности им конструируемой. Это и умолчания об отношениях с семьей министра Императорского двора П. М. Волконским и, прежде всего, — его женой и сыном; о том, что свойственники Гедеоновы были единокровными братьями А. М. Гедеонова, директора Императорских театров, и, стало быть, Глинка находился с ним в родстве; о характере своего «поверхностного, но длительного контакта с тронem» (А. Н. Римский-Корсаков), и многое, многое другое...

Но подведу итоги. С одной стороны, «Записки М. И. Глинки» — это не что иное, как автобиографическая повесть художника о себе самом, таком, каким он хотел запомниться потомкам. Создавая их, композитор уверенно, грамотно, осознанно и последовательно добивался поставленной цели. Лишь читая текст «Записок» в сопряжении с тем историческим контекстом, что окружал приводившиеся в нем факты, можно понять, насколько сложной была задача, решавшаяся композитором, насколько далеко / или недалеко отходил он от реалий русской жизни.

С другой стороны, текст «Записок» можно рассматривать как результат жесткой «автоцензуры», созданный в «мрачное семилетие» 1848–1855 годов, когда пишущая и думающая Россия была охвачена ужасом перед доношением. Расцвет его, как известно, во многом спровоцировало создание печально известного «Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений», по докладом которого был сослан в Вятку Н. Е. Салтыков-Щедрин (1848), выслан в Спасское-Лутовиново И. С. Тургенев (1852), «забыт» создатель гимна Российской империи генерал А. Ф. Львов, отправлен в отставку министр народного просвещения С. С. Уваров. В свете всех этих событий понятно, почему литературный опус композитора должен был оставаться идеологически-нейтральным. Конечно, Глинка понимал это. Дорожа завоеванным общественным статусом, он не мог не тревожиться за свое положение и положение своих близких. Здесь не было ни грамма той «беспечности» и «недалекости», которые часто виделись в Глинке современникам и потомкам. Напротив. Здесь ощущалась мудрость и житейская осмотрительность, столь недооцененные впоследствии.

С этой точки зрения текст «Записок» Глинки ни в коей мере не является «эпически спокойным рассказом о прошлом», как назвал его А. Н. Римский-Корсаков. Абсолютно правы были противники Андрея Николаевича, полагавшие, что глинкинские «Записки» не дают никаких оснований считать, что композитор стоял в стороне от политики, от острых обществен-

ных проблем. Он был непосредственно вовлечен и в политику, и в острые общественные проблемы.

Правда, в правоте предшественников мне видится оценочная коннотация, диаметрально противоположная реальности. Стремясь доказать активность социальной позиции Глинки, они заблуждались в главном: композитор никогда не относился сочувственно к противникам царского режима. Напротив: имея наследственный помещичий достаток, который «обеспечивал ему более чем безбедное существование» (А. Н. Римский-Корсаков), он неизменно оставался законопослушным подданным Российской империи, лояльным к власти и ее носителям, что старался всячески подчеркнуть в «Записках», скрывая за «забывчивостью» свое в высшей степени серьезное отношение к каждому сказанному и, в еще большей мере, несказанному слову.

Разобраться в том, почему Глинка часто умалчивал о некоторых обстоятельствах жизни, об имевших для него немаловажное значение людях, «забывая» упомянуть их в «Записках» или, упоминая, создавать их портреты «не в полный рост», — задача в высшей степени сложная, но необходимая. Отсюда следует мысль, ради которой, собственно говоря, и затевался доклад: «Записки М. И. Глинки» должны быть вновь переизданы. На этот раз — с пространными комментариями, написанными в контексте открывшихся фактов, найденных источников и с учетом возможностей современной гуманитарной науки. Уверена: это даст нам возможность глубже понять существо сделанного Глинкой в истории отечественной культуры, в особенностях русского музыкального пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев Б. В. Глинка. М.: Музгиз, 1950.
2. Богданов-Березовский В. Литературное наследие М. И. Глинки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие. Том I. Л. — М.: Государственное музыкальное издательство, 1952.
3. [Глинка М. И.] Записки М. И. Глинки // Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие. Том I. Л. — М.: Государственное музыкальное издательство, 1952.
4. [Глинка М. И.] Михаил Иванович Глинка. Литературное наследие. Том II. Письма и документы / Под ред. В. Богданова-Березовского. Л.: Государственное музыкальное издательство, 1953.
5. Римский-Корсаков А.Н. М. И. Глинка и его «Записки» // Записки М. И. Глинки. М.: Гареева, 2004.
6. Черкасов П. П. «Дело» подполковника Гедеонова, или Исповедь нераскаявшегося доносчика. Серия: Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. Электронный ресурс: <https://military.wikireading.ru/32392> Дата доступа: 25 мая.